

ГЕНРИХ

МАНН

ГЕНРИХ
МАНН

Великосветский прием
Учитель Гнус

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
М23

Серия «Зарубежная классика»

Heinrich Mann

EMPFANG BEI DER WELT
PROFESSOR UNRAT, ODER DAS ENDE EINES TYRANNEN

Перевод с немецкого

С. Фридланд («Великосветский прием»), Н. Ман («Учитель Гнус»)

Серийное оформление А. Кудрявцева

Манн, Генрих.

М23 Великосветский прием; Учитель Гнус : [романы] / Генрих Манн ; [перевод с немецкого С. Фридланд, Н. Ман]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 576 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-163240-3

«Великосветский прием» — «хроника утраченного времени», которая открывает перед читателем не только панораму человеческих судеб, но и изнанку жизни и чувств.

Действие романа разворачивается в особняке, где упорно, час за часом тянется великосветский прием, участники которого скучают и развлекаются, философствуют и флиртуют, разбивают сердца и переживают личные «маленькие трагедии»...

«Учитель Гнус» — роман, написанный на стыке психологического реализма и социальной сатиры, который подвергался жесткой критике, а после выхода фильма «Голубой ангел» (1930) с легендарной Марлен Дитрих в главной роли получил мировую славу.

Сменяются эпохи, но в гимназии маленького провинциального городка по-прежнему тиранит учеников учитель Нусс по прозвищу Гнус — мстительный деспот, истинное воплощение властолюбца. Кто он? Реальный человек или символ времени, которое упорно не хочет отступать перед веяниями будущего?

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-17-163240-3

© Перевод. Н. Ман, наследники, 2024
© Перевод. С. Фридланд, наследники, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Великосветский прием

I

Уик-энд для счастливцев

— Машину поставим здесь! — обратился отец к сыну. Французский ресторан именовался «A la grande vie»¹ и вдобавок «Château»² из-за башенки, выстроенной исключительно для красоты.

— Он слишком удачно расположен у дороги, — ответил сын отцу, — еще и двенадцати нет, а припарковаться негде.

— А вот это не твоя забота, — отвечал Артур, и не успел он договорить до конца, как его машина уже стояла в углу прямо под башенкой.

— Папа, ты нарочно сюда втиснулся, — заметил сын, — ведь на стоянке вовсе не так тесно.

— Ах ты мой умница, — радостно отозвался Артур. — Ты, конечно, сообразил, в чем тут дело.

— Да остаться мне без обеда, если я имею о том хоть малейшее представление, — не согласился молодой Андре.

Ответа он не получил. Они зашли с фасада и бросили взгляд сквозь большое окно. У самого окна сидели две дамы. Ближайший к входу стол был свободен, да и не только он один в том зале.

— Нас ждали, — пробормотал отец.

— Кто? — спросил сын, но ответа и тут не получил.

Они вошли и тотчас сели, не выбирая. С такой же скоростью возле них появился метрдотель, чтобы сообщить, что данный столик резервирован. Артур пожал ему руку.

---

¹ Роскошная жизнь (*фр.*).

² Дворец (*фр.*).

— Так я и полагал, дорогой друг. Для самых лучших гостей. Это мы и есть.

Метрдотель пытался что-то возразить. Но уж до того представительно выглядел мужчина, который хлопнул его по плечу. И тон был столь же фамильярный, сколь и повелительный:

— Для начала бутылочку «Поммери»! А если ваши любители ключевой воды все же заявятся, так и быть, можете перенести наши приборы к тем двум дамам.

Человек во фраке повиновался. Он принял еще три заказа, прежде чем передать *sommelier*¹ — или то был вовсе не *sommelier*, хотя и с красным носом, — заказ на шампанское. Отец и сын изучали между тем карту кушаний, поглядывая поверх нее на обеих дам. Последние со своей стороны в равной мере делили внимание между кушаньями и двумя господами, которые были откровенно заинтересованы в их соседстве.

Дочь вполголоса читала:

— Бифштекс, цыпленок, скущища. Как и люди за соседним столиком. Они пригрозили, что собираются навязать нам свое общество. Ты их знаешь?

— Представь себе, нет, — отвечала ее красивая мать.

— Артур, я тебя раскусил, — заявил сын отцу за соседним столом.

— Наконец-то, — не стал отпираться отец. — Ну, конечно, я узнал их машину. А ты разве не узнал?

— Ни машину, ни самих дам, — упорствовал сын, после чего добавил: — Да и ты их знаешь не больше, чем я. — От его взгляда не укрылось, как Артур пытался приветствовать взглядом более зрелую красавицу и как та отвернулась и посмотрела на дорогу, по которой сновали машины. — А если и знаешь, то знакомство это чисто деловое, и она в чем-то не согласна с тобой.

— Андре, не будь слишком проницательным, — одернул его отец. — Мы с Мелузиной знакомы уже много лет, но речь не о том. Давай поменяемся местами, чтобы мне видеть дочь. Кстати, ее зовут Стефани.

---

¹ Официант, подающий вино (*фр.*).

— Ее зовут Стефани, — повторил Андре, не спеша выполнить просьбу отца. Дамы оказались проворней, они сами поменяли стулья. Но, уже сидя на другом, дочь вдруг заспорила с матерью:

— Нет, Мелузина, свет не мог здесь бить тебе в глаза. Отсюда я вижу зеленую гору.

— И оперного импресарио, — добавила мать. — А вид на него мне не по душе.

— Уж лучше вид на двадцатилетнего. Ты не меняешься, Мелузина, — сказала дочь ласково и снисходительно.

— Молодое лицо и впрямь предпочтительней как визави, — согласилась мать. — Ты не находишь?

— Мне все равно, — небрежным тоном заверила ее Стефани. — Когда их знаешь, их возраст уже не играет особой роли.

— Да ты что! Знать мужчин! — воскликнула мать, но девушка стояла на своем.

— Они все одинаковые. Как, впрочем, и мы. — Она умолкла.

— Ты слишком далеко заходишь в своем человековедении. В восемнадцать-то лет!

Дочь лишь пожала плечами.

— Когда мне будет сорок пять, как тебе...

— Не кричи на весь зал! — раздался резкий ответ.

— Ах, ах, что я говорю? Тридцать пять! — Голос дочери звучал вполне невинно. — Прости меня, милая Мелузина. Это не предназначалось для ушей сына. Отцу пятьдесят, а выглядит он куда интересней. Я нравлюсь ему, а ты — молодому человеку.

— Кельнер! — вскричал Артур не то во второй, не то в третий раз.

И Мелузина одновременно потребовала:

— Кельнер!

Своими криками они для начала заставили метрдотеля наведаться в противоположную часть зала. Но, выяснив, что там его требуют еще настойчивей, он решил заняться гостями в передней части зала и начал, естественно, с мужчин. Артур заказал икру и все прочее. Андре тем временем получил возможность глазами приветствовать красавицу, которую те-

10   перь вполне мог видеть. На его приветствие Мелузина ответила. Обе стороны наслаждались соблазнительными взглядами, покуда метр, совершив свое дело, не перешел к дамам.

— Артур, как у тебя дела с малышкой? — спросил сын. — Она избавила тебя от необходимости пересаживаться. Кстати, она выше ростом, чем мать, которая кокетничает со мной. Неплохо бы узнать, кто они такие. А ты молчишь.

Информация была дана с небрежной легкостью:

— Мать — совладелица банкирского дома «Барбер и Нолус».

Но тут с непостижимой быстротой была подана икра на глыбе льда и своим появлением помешала дальнейшей информации.

— Дамы уже выбрали? — осведомился метр.

— Коктейли, — решила Мелузина.

— Мне не надо, — равнодушно сказала Стефани. — Что же взять?

Мать это знала.

— Салат, томатный сок, мороженое.

Дочь хотела найти хоть какую-то зацепку:

— А что едят за другими столиками? Им как будто нравится.

Представитель французского ресторана знал ответ:

— *Le splendide appetit du prix fixe*¹.

Этого было достаточно. Молодая особа тотчас согласилась на твердую цену. Они снова остались одни.

— Слишком ты у меня неприхотлива, бедная Стефани, — сказала мать, хотя и с некоторым опозданием.

— Почему это я бедная? — ответила дочь. — Мне еще не надо заботиться о фигуре, как тебе. И банкирский дом вроде твоего я вести не стала бы или передоверила бы это дело господину Нолусу. Мы принадлежим к другому поколению.

— Кто это «мы»? — Мелузина слушала ее только краем уха. Она едва прикоснулась к салату с майонезом, взбитым сливкам и анчоусам, которые им подали. Ее аппетит дожи-

---

¹ Отменный аппетит благодаря твердым ценам (*фр.*).

дался возбуждения с помощью соблазнительной де-густации, которую совершали ее опытные глаза за соседним столиком. Решительны лишь двадцатилетние — таково было ее мнение, и она его не скрывала. Вслух она его, конечно, не высказала, но такие выразительные губы нетрудно понять даже некоему Андре, который сидит со спокойным видом. Он видит, что его пожелали, и в этом нет ничего необычного. Но у него есть другие заботы, а может, и вовсе никаких забот, ни этих, ни вообще каких бы то ни было.

— Ты, значит, положил глаз на младшую? — недоверчиво спросил он. — Артур, я вижу тебя насквозь. Ты нарочно подсунул мне пышнотелую красотку. Ты ищешь сближения с банкирским домом.

— Ошибаешься, сын мой.

— Нисколько, отец мой. Все говорит в пользу этого: кризис, в который угодило твое дело. Почему бы это положению не быть критическим именно сейчас? С банком дела, возможно, обстоят точно так же. Поэтому вы и могли бы сойтись. Любой другой банк, любое другое третье агентство, музыкальное или не музыкальное, точно так же подошли бы друг к другу.

Артур не стал спорить:

— Со мной всегда можно договориться. По природе я исполнен великодушия. Ты же — инертности, чтобы не сказать робости. Пойми, наконец, что нынешние времена требуют от человека большего, нежели просто талант. Свой талант ты сдаешь в аренду консервной фабрике и малюешь для нее плакаты. А можешь ли ты оплатить из твоих доходов этот завтрак? Нет. А через три года сможешь?

— Будем надеяться, что к тому времени люди перестанут завтракать, — выдохнул в ответ сын.

Артур тоже говорил, понизив голос, но тем не менее очень решительно:

— Положись на мою энергию. Ее ничто не укротит.

— Мы принадлежим к другому поколению. — И с этими словами Андре впервые перехватил взгляд юной Стефани. При такой расстановке стульев им пришлось бы оборачиваться, чтобы увидеть друг друга, между тем взгляды их встретились в зеркале между столиками. У двоих молодых людей

12 с легкими, светлыми лицами был на редкость серьезный вид, они это заметили и отделились созерцанию. Молодая дама забыла покраснеть по этому поводу, да вдобавок она, конечно же, была наругана.

Она обернулась к матери. Мелузина курила вместо того, чтобы есть.

— Мама, а как получилось, что вы не знакомы?

— Я и импресарио? Крупный, крупнейший в нашем окружении. Зато мы самый крупный частный банк.

— Что ты так стараешься? Когда я печатаю, в комнате дирекции говорят очень громко. И мне прекрасно слышно, кто и как зашатался.

— Барбер и Нолус вне подозрений, — твердо сказала совладелица. Ее дочь тронуло, как Мелузина, защищаясь, надела маску деловой женщины. Она переменяла тему.

— Я никого не называю по имени.

Она погладила руку матери.

— Он тебе неприятен. Значит, ты хорошо его знала. Тогда ты пела на сцене. Слава твоя жива до сих пор, и театрам тебя недостает.

Красивая женщина была умиротворена.

— Хорошо знала? Совсем не так, как ты думаешь, моя добродетельная девочка. До того, как я вышла за твоего отца, импресарио устраивал мне контракты. Для меня это были первые. Он об этом забыл. Я тоже.

— Или вы оба притворяетесь. — Стефани продолжала гладить руку матери. — Тогда вы были бедные, а сейчас называете себя богатыми.

Мелузина оперлась щекой о ладонь, но осторожно, чтобы ничего не смазать. На запястье сверкнул роскошный браслет. И в соответствии с принятой позой она начала высказывать свои мечтания:

— На сколько человек выглядит, столько ему и лет, да и денег столько же. Единственное, что нельзя подделать, — это голос, а вот голоса больше нет.

— Бедная Мелузина! Голос у тебя был божественный. — Из искреннего участия дочь сказала матери все, что о ней думает: — Спиртное, ночная жизнь, сплошь потребности и никакой дисциплины. Все вы таковы.

— Каждому свое, — отвечала бывшая певица. Она отнюдь не собиралась возражать, все еще мечтательно предалась она впечатлениям былых лет, которые были завершены, а потому не могли измениться. Их разве что сравнивают с итогом другой жизни, которая некогда была близка нашей собственной. Это Алиса, подруга юных лет и по сей день звезда оперы. Ее взлет совершился именно тогда, когда Мелузина начала сдавать и сошла со сцены.

От дочери Мелузина скрыла глубокое суеверное убеждение, будто потеря голоса не есть следствие неправильного образа жизни; скорее уж удачливая соперница похитила у нее голос; сила и долговечность ровесницы вскормлена Мелузиной, ее пропавшим дарованием. Но такие мысли принято держать про себя. В глубине случай остается непроясненным. Окружающим дают кое-что почувствовать, мол, каждому свое, и кто долгие годы наделен большим голосом, не обязательно имеет более твердую почву под ногами.

— Сохрани я голос, — продолжала Мелузина, — я бы никогда не изучила банковское дело, не имела бы, по всей вероятности, ни капитала, ни устойчивого положения в обществе, не говоря уже о том, что при односторонней тренировке развиваются широкие плечи и могучая шея.

— Как у знаменитой Алисы, — завершила догадливая дочь. — Ей уже поздно думать о любви.

Ах! Мелузине никак не хотелось, чтобы ее старая приятельница во всей своей непривлекательности именно сейчас вошла в зал. Ей пришлось убедиться, что очаровательный юноша куда более заинтересован сверканием браслета на руке, чем самой рукой и уж тем паче — самой женщиной. Как глупо было нацепить эту штуку именно сегодня! Статная матрона вздохнула и укуталась дымом.

Вот чем кончаются неуместные сравнения и неосторожные воспоминания! Ну и довольно. Она снова подобралась.

— А у тебя, дорогое дитя, голос был бы еще прекраснее моего. Но ты не желаешь развивать его.

— К чему?

— И это спрашиваешь меня ты? А сама слушаешь разговоры о том, что Барбер и Нолус зашатались. Допустим, это правда. Тогда твой голос очень бы нам понадобился.

14 — Вот тут-то я бы его и потеряла. У себя в конторе я печатаю под диктовку и перевожу письма не очень точно, я бы и на сцене фальшивила.

— Секретарша в дирекции консервной фабрики! — Бывшая знаменитость вложила в эти слова все свое презрение. — Но ты так хотела. Твое поколение начисто, прямо в оскорбительной мере, лишено нашей веры в себя.

После чего она попросила счет. Проходивший мимо кельнер со скрупулезной точностью откликнулся на призыв, исходивший из противоположного конца зала.

Дочь послушно повторила:

— Ваша вера в себя. Мы ею восхищаемся. Мы имеем перед глазами наглядный пример того, к чему она приводит.

Мелузина поцеловала дочь, вернее, ее накрашенные губы изобразили поцелуй.

— Я просто обожаю всех вас, — призналась она с очаровательной кротостью. Только на доньшке проступала едва заметная ирония. — Ну как, доела ты свой комплексный обед?

— С большим удовольствием, сравнительно дешево, но я была бы не прочь питаться так всю жизнь.

— На редкость неприхотлива, — пробормотала банкирша себе под нос.

Ибо как раз в ту минуту, когда его меньше всего ждали, явился метрдотель. На языке, предположительно недоступном метру, Стефани успела скороговоркой добавить:

— Барберу и Нолусу не нужно «Поммери», чтобы поднять свое реноме.

— *Vien entedu*¹, — тем не менее подтвердил метр. — Надеюсь, дамы не посетуют, что здесь обедают и так называемые выгодные гости.

Обе в упор взглянули на него.

Но метр, оказывается, подразумевал отнюдь не их соседей. Он указал глазами на очень шумный столик двумя рядами дальше.

— Господа требуют отбивные двойного размера и полупрожаренные. Коктейли надо присчитать позднее. Покамест

---

¹ Разумеется (*фр.*).

там еще пьют виски, — пояснил метр, не дрогнув ни единым мускулом лица.

15

Стефани полюбопытствовала:

— Вы презираете людей вообще или только своих клиентов?

— Слишком строго я не сужу. Я перечитываю Монтеня. Всякие случаются обстоятельства. Истинно светские дамы, они бы даже его исцелили от скепсиса. Подобие поклона, и светский мужчина уносит деньги на тарелке.

Мелузина признала его правоту.

— Сзади сидят ужасные люди. Давай уйдем, куда дело у них не дошло до драки. — Говоря так, она успела навести красоту.

— Счет! И поскорей! — вскричал Артур, но добился лишь того, что пьяным подали еще спиртного. — Пулайе внушает страх, — добавил Артур без малейших признаков досады на то, что им пренебрегли.

— Пулайе? — переспросил Андре и услышал в ответ:

— Мой друг. Завтра вечером он будет у меня на приеме, если до тех пор не угодит в тюрьму.

Тут Андре наконец-то повернул голову на крики:

— Он бьется об заклад, что перепрыгнет через дом. Явный любитель.

— Можно назвать его и так, — радостно согласился Артур. Андре тоже порадовался, созерцая Пулайе.

— У меня идея. Твой друг есть именно тот тип авантюриста, которого я хочу нарисовать. Он врывается в штабеля наших консервов. Надпись: «Преступный мир знает, что вкусно».

— Превосходная реклама, — сказал Артур, — кстати, у него лицо нормального обывателя, разве что малость утрированное.

— А мне больше ничего и не надо, — сказал Артур. — Как ты думаешь, прыгнет он через дом?

— Никто не посмеет возражать, если он потом скажет, что перепрыгнул.

Артур сделал вид, что уходит, и тут ему молниеносно подали счет.

На улице он, как и надеялся, застал обеих дам за тщетными попытками вывести машину из западни.